

Эжен Делакруа. Взятие Константинополя крестоносцами

ЛЕКЦИЯ 40

С. И. Лиман

КРЕСТОНОСЦЫ И ВИЗАНТИЯ: ЖЕЛЕЗОМ ПО МРАМОРУ. ИСТОРИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ В. К. НАДЛЕРА

...И епископы сказали, что именем Бога и властью, данной им апостоликом, отпускают грехи всем, кто пойдет на приступ, и епископы повелели пилигримам, чтобы они как следует исповедались и причастились и чтобы они не страшились биться против греков, ибо это враги господа.

Робер де Клари.
Завоевание Константинополя. LXXIII.

Константинополь уже давно Стамбул... В то время как Венеция остаётся Венецией, Париж – Парижем, а Гент – Гентом. Венецианский дворец дождей, парижская Сен-Шапель, гентский замок Гравенстеен величественно подпирают своими вершинами небеса, ловя на себе восхищённые взгляды десятков миллионов туристов. Гондолы, как и прежде, *режут* гладь Большого канала, фасады парижский зданий *поражают* своим величавым обликом, а гентские музейные коллекции *низвергают* равнодушные посетителей, очарованных видом средневековых доспехов и оружия, побывавшего в ратных походах и боях.

Они *режут, поражают, низвергают*... Как *резали, поражали и низвергали* их, облачённые в эти самые доспехи, соплеменники, ворвавшиеся в 1204 г. в Константинополь, – город, далеко превосходивший тогда своими богатствами и культурой любой иной город Европы. Не был бы Константинополь Стамбулом, как не был бы Париж – Парижем, Венеция – Венецией, а Гент – Гентом, если бы не Православная Империя, белый мрамор которой в конце концов повергло к загнутым башмакам и турецким

шароварам изъеденное ржавчиной жадности железо «псов войны», опозоривших и рыцарское звание, и священный символ пилигримов в его меченосных латинских очертаниях.

Крестоносцы и Византия – тема не новая, довольно известная, всесторонне изученная. Кому-то эта тема основательно приелась и кажется порой удобной для историко-политических и межконфессиональных спекуляций. О чём говорить, если чернил историков пролито не меньше, чем крови жертв Четвёртого крестового похода? 1204 год был и остаётся большим кровавым несмываемым пятном на репутации крестоносного воинства и рыцарства вообще, далеко превосходящим по своим масштабам и последствиям даже Варфоломеевскую ночь. О чём тут ещё писать? Что же тут доказывать?

А доказывать есть что. По крайней мере до тех пор, пока на оценки Четвёртого крестового похода влияет не только разное прочтение источников, но и география, конфессиональная принадлежность, политические взгляды. И дело тут не только в западных авторах. Если бы. Запад априори разный, и в трактовках многих его уроженцев не только протестантского вероисповедания многие события, освящённые католической Церковью, выглядят крайне неприглядными деяниями. В свою очередь появляются и публикации иного рода. Так, российский католик П. Парфентьев в соавторстве с П. Безруковым выложил в Интернете очерк «Четвертый Крестовый Поход: миф и реальность», который начинается с раздела под явно провокационным названием «Миф о захвате Константинополя» и в котором он доказывает полную непричастность Католической церкви и Папства к кровавым событиям 1204 года.

Основные тезисы авторов сводятся к следующему. Ни Римский папа, ни католическая церковь не виноваты в том, что произошло в 1204 г. Греки запятнали себя ещё большими преступлениями, например «геноцидом» латинян в 1182 г. Царевич Алексей – «законный правитель»¹. «Свои обязательства крестоносное войско выполнило, – пишут П. Парфентьев и П. Безруков. – Однако император Алексей IV, как и его отец, восстановленный ими на престоле император Исаак II Ангел, выполнив часть своих обязательств, в резкой форме отказались выполнять оставшиеся. Фактически, крестоносцы были вероломно обмануты главами Византийской империи. Это побудило их начать войну против Алексея IV, направленную на взыскание *законно* (курсив наш. – С. Л.) принадлежавшего им по договору имущества». П. Парфентьев и П. Безруков доказывают, что, за исключени-

¹ И это при том, что его отец Исаак II Ангел сам пришёл к власти по трупам, свергнув Андроника, своего двоюродного брата, которому в присутствии Исаака Ангела отрубили руку и выбили глаз.

ем некоторых эксцессов, действия участников Четвёртого крестового похода «вполне соответствовали принципам справедливой войны и не могут рассматриваться, как злодейские».

Этот новый куплет к знакомому гимну «Сами виноваты!», разумеется, не является главной причиной, вызвавшей появление данной статьи. Сколько ещё таких работ может появиться в наше время глобализации и восторженного старо-нового «еврооптимизма»? Статья является частью подготавливаемой её автором монографии, посвящённой творчеству самобытного медиевиста, профессора императорского Харьковского университета Василия Карловича Надлера (1840–1894). Среди прочитанных им спецкурсов особое место принадлежит курсу «История Крестовой эпохи» (1889–1890 уч. г.). Немец по крови, православный по вероисповеданию, Василий Надлер высказался задолго до российского католика Павла Парфентьева и его соавтора П. Безрукова. И высказался гораздо более доказательно и профессионально. Но прежде чем рассмотреть содержание его спецкурса, остановимся на ключевых событиях, приведших к завоеванию Константинополя, и выясним, к каким последствиям привело это событие для Юго-Восточной и Западной Европы. Ведь 1204 г. стал календарным началом XIII столетия, чёрного для двух православных государств – Византии и Руси.

Итак, начнём...

Всем известно, каковы были причины крестовых походов. Но в череде событий, вымостивших крестоносцам дорогу на Восток, особое место принадлежит двум датам, которые до предела усложнили отношения Византии и Запада и приковали их крепкой цепью к вёслам галеры папских интересов: 1054 и 1071. В первом случае – это церковная схизма. Во втором – разгром греков сельджуками при Манцикерте и пленение императора Романа Диогена. Эти события усилили желание Рима встать во главе всего христианского мира. А просьбы о помощи, шедшие от Алексея Комнина, делали эту помощь лишь вопросом времени.

Но за любую помощь полагается платить. Рано или поздно. И если папство (что давно доказано) – главный инициатор крестовых походов, и оно стремилось посредством этих походов встать во главе всего христианского мира, раздвинув его пределы, исполнение его намерений должно было происходить, прежде всего, за счёт Византии. И это тоже было лишь вопросом времени.

Понимали это в Константинополе? Вполне. И тут нельзя не воздать должное наблюдательности и прозорливости Анны Комнины, которая в «Алексиаде» следующим образом отразила свои впечатления об участниках Первого крестового похода, пришедших в Константинополь: Алексей «с справед-

ливой боязнью смотрел на этот подозрительный народ. Он знал крайнюю запальчивость франков, лёгкость, с которою они решаются на что-нибудь и снова изменяют свои намерения... Сверх того, что он сам знал по опыту, о франках говорили повсюду, что они умеют сплетать козни, а если и заключат договор, то нарушат его под самыми ничтожными предложениями».

Анна Комнина описала один характерный эпизод, который каждый историк наверняка посчитает деянием, исполненным некоего пророчества: когда все крестоносные князья уже дали ленную клятву Алексею, «кто-то из знати осмелился сесть на императорский трон... Император стерпел это, не сказав ни слова, так как давно знал надменный нрав латинян».

Сесть на императорский трон! Отважились бы на такую шутку византийские послы в любом из королевств Европы? Ответ очевиден – нет. И вряд ли после подобных эксцессов в Константинополе его венценосный правитель воспылал бы желанием отправиться с крестоносцами в совместный поход на Восток. Анна Комнина по этому поводу писала: император «наперёд видел, насколько латиняне ненадёжны, не верны слову..., устремляются от одной крайности к другой и из корыстолюбия готовы продать за обол своих жён и детей. Он решил не идти вместе с кельтами (крестоносцами. – С.Л.), а помогать им так, как если бы он был с ними».

Размеры и характер этой помощи Алексея Комнина красноречиво описал в своём письме из-под Никеи супруге Адели граф Стефан Блуасский и Шартрский: «Поистине говорю тебе, что нет из живущих под небесами такого [человека]. Он щедрейшим образом одаряет наших князей, облегчает положение рыцарей, кормит бедняков раздачами». Армянский историк XII ст. Матфей Эдесский в «Хронографии» тоже отмечает щедрость и гостеприимство византийского императора: «Царь Алексей заключил любовь и согласие со всеми князьями франков, провёл их в святую Софию и пожаловал им много золота и серебра; [франки] же дали ему клятву освободить от персов все ранее принадлежавшие ромеям области и передать их царю Алексею, а [завоёванная] у персов и арабов земля станет собственностью племени франков».

Однако взаимное недоверие было велико. Оно лишь усиливалось от того, что крестоносцы не скрывали своего восхищения богатствами Константинополя. Князь Боэмунд Тарентский, например, говорил: «Если бы мне владеть такими богатствами, то давно бы я повелевал многими землями». А некоторые из крестоносцев уже тогда, в первом походе, поговаривали о том, что следовало бы захватить этот город, чтобы обезопасить себя от коварства греков.

В чём же выражалось это пресловутое «коварство»? В том, что Алексей I Комнин требовал от крестоносцев ленной присяги. Ведь шли они

в земли, некогда принадлежавшие Византии. И Византия стремилась с помощью крестоносцев вернуть эти земли себе.

Ещё в Константинополе за несколько месяцев пребывания там крестоносцев произошло несколько их стычек с греками. Анна Комнина совершенно обоснованно указывала на различия в мотивах разных крестоносцев: «Люди простые, искренние хотели поклониться Гробу Господню и посетить святыя места. Но некоторые, в особенности такие, как Боэмунд (Боэмунд Тарентский. – С. Л.) и его единомышленники, таили в себе иное намерение, не удастся ли им в придачу к остальной наживе попутно захватить и сам царственный город... Латиняне, подобные Боэмунду и его единомышленникам, давно жаждавшие завладеть Ромейской империей, подчинить её себе, нашли, как я уже сказала, в призывах Боэмунда хороший предлог и возбудили всё это движение;... Полагаясь на свою многочисленность, они (латины – С. Л.) настолько обнаглели, что дерзнули поджечь ворота, находящиеся под императорским дворцом».

Недоверие между византийцами и крестоносцами лишь усиливалось по мере захватов последними новых земель. Крестоносцы называли императора Алексея вторым Иудой. Они приписывали ему слова: «когда франки и сельджуки воюют между собой, то это для него не больше, как если дерутся собаки».

Справедливость требует признать, что неприязнь греков и латинов была взаимной, зачастую безмерной, а византийские императоры, безусловно, преуспели в искусстве тайной дипломатии. Даже Никита Хониат, описывая события, происходившие в Византии задолго до захвата крестоносцами Константинополя, откровенно признавал: «Наши цари, при своей безудержности и силе, никак не могут воздержаться от того, чтобы по своему произволу не превращать и не переиначивать всех дел, и божеских и человеческих».

Византийское коварство давно вошло в поговорку, и не подлежит сомнению, что к началу Четвёртого крестового похода уже накопились серьёзные противоречия между крестоносцами и византийцами. Византия не раз шла на сговор с сельджуками, чтобы отнять у крестоносцев захваченные ими земли. Но, говоря о византийском коварстве, можно ли удержаться от его сравнения с коварством правителей, рыцарей, священников Западной Европы? Кто же «делал политику», кто благословлял её и кто шёл с Запада на Восток в течение многих десятилетий?

Этот «этюд о нравах» позволит нам составить некоторое представление о менталитете западных европейцев того времени – к слову, теме спецкурса, который автор этой статьи преподаёт уже много лет. Такой этюд объяснит нам, с каким багажом моральных ценностей западный мир приближался к событиям 1202–1204 гг.

Итак, короли Запада... В эпоху с Первого по Четвёртый крестовый походы престолы Запада занимали венценосцы, вряд ли уступавшие по уровню своего «человеколюбия» правителям Византии. Как известно, начало Крестовых походов было положено речью Римского папы Урбана II на Клермонском церковном соборе. Уточним: собор собрался совсем по другой причине – чтобы отлучить от церкви французского короля Филиппа I (1060–1108). Филипп многие годы прожил в ссоре с папством, был неоднократно отлучён от церкви, и всё из-за того, что заточил в тюрьму свою жену Берту Голландскую, похитив при этом прекрасную графиню Анжуйскую Бертраду де Монфор, жену своего могущественного вассала Фулька Угрюмого. По словам Ш. Пти-Дютайи, Филипп I без всякого стыда занимался симонией, а Бертрада расплачивалась с кредиторами, продавая епископства тому, кто больше даст. Фактически король был двоежёнec, вызывая резонное возмущение одних подданных и тайную зависть других. Отлучённый от церкви, он именно по этой причине не мог отправиться в первый крестовый поход.

В Святую Землю двинулся его внук, Людовик VII Молодой (1137–1180), один из организаторов Второго крестового похода (1147–1149). Примечательно, как был дан королём обет воинствующего пилигримства. Воюя с графом Шампанским, Людовик VII в 1143 г. приказал сжечь церковь (!) захваченного им городка Витри. В церкви сгорели заживо более тысячи женщин, стариков и детей, которые искали там спасения от люто-сти королевских солдат. Когда королю доложили о жертвах, и он, наконец, понял, что натворил, единственным способом снять с государства папский интердикт и облегчить душу стал крестовый поход. Однако судьба словно мстила королю за изуверства в Витри: поход оказался неудачным, ярость французов разбилась о стены и ворота Дамаска. Ну а окончательно кающегося грешника Людовика VII доконали супружеские измены его жены, королевы Алиеноры (Элеоноры) Аквитанской. Она отправилась с мужем в крестовый поход и так старательно поднимала боевой дух крестоносцев, что, помимо прочих, сделала мишенью своей необузданной страсти даже родного дядю.

Новый муж Элеоноры, король Англии Генрих II Плантагенет (1154–1189) посадил её в тюрьму по обвинению в колдовстве – жена изрядно надоела венценосцу своими интригами и возрастом (она была на 15 лет старше его). Бешеный темперамент и мстительность в равной степени были присущи обоим царственным супругам. Например, выполняя гневный приказ Генриха II, четыре его рыцаря в 1172 г. ворвались во время службы в Кентерберийский собор – главный христианский храм Англии. Там мечами и плотницким топором они зарубили у алтаря того, кто осме-

лился вызвать королевский гнев – архиепископа Томаса Бекета. Король откупился от папского отлучения 20 тысячами марок серебра и 5 тысячами марок золота. Эта неслыханная по дерзости расправа сделала Бекета святым мучеником, а короля – объектом заслуженной ненависти истинных христиан. Они предрекали, что явится мститель из самой королевской семьи. Предсказание сбылось – вспыхнула война между Генрихом и его сыновьями. Умирая от раны, полученной в этой войне, Генрих проклял своих отпрысков – Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного.

Ни тот, ни другой не принесли Англии добра. «Продад бы и Лондон, если бы нашёлся покупатель!» – будто бы сказал Ричард, добывая продажей должностей и привилегий деньги на Третий крестовый поход (1189–1192). Послов султана Саладина Ричард встречал на лошади, украшенной ожерельем из отрубленных голов и приказал убить 2 тысячи самых знатных заложников-сарацин за промедление Саладином в исполнении сроков соглашения. Ричард умер в разгар междоусобных стычек на юге Франции от заражения крови после ранения стрелой в плечо.

С арбалетчика Бертрана де Гудруна, ранившего его, живьём содрали кожу. Такой во времена Робин Гуда могла быть награда за меткость!

Младший брат Ричарда Иоанн Безземельный (1199–1216) лично убил племянника Артура, заточённого в Руанской тюрьме. Иоанну показалось мало, что он искромсал Артура мечом сердце и кишки. Для надёжности король нанёс «контрольный» удар – в висок. Киллер в короне, да и только!

Французы, англичане... Может, другими были хотя бы германские короли? Например, современник начала крестовых походов, император Генрих IV (1056–1106). Отлучённый от церкви, преданный собственным сыном и всеми подданными, содержащийся в плену у епископа Гебгарда Шпейерского, который держал его впроголодь и даже не позволял умываться и брить бороду, Генрих IV не заслужил у католической церкви даже достойных похорон. Его тело – тело грешника – было выброшено из могилы, покоилось в неосвящённой земле, потом гроб с останками императора 5 лет стоял на полу неосвящённой часовни и только после этого его опустили в фамильный склеп Шпейерской церкви.

Сын Генриха IV Генрих V поссорился в 1111 г. с римским папой Пасхалием прямо в римском соборе Св. Петра во время коронации его императором. Ссора переросла в драку, началась резня немцами тех римлян, которые вступились за папу. Император в своём кровавом венце буквально по трупам вышел из собора, уводя арестованного папу и 16 пленных кардиналов.

Самым могущественным из новой немецкой императорской династии Гогенштауфенов, без сомнения, был Фридрих I Барбаросса (1152–1190). Он же – самым скандальным из всех. В 1162 г., воюя в Италии, Барбаросса

стёр с лица земли Милан, посыпал солью две борозды, проведённые в центре сожжённого города, лично отрезая пленным уши, выкалывая глаза. Через 5 лет император ворвался в Рим и подверг штурму храм Святого Петра и Башню Богоматери, где заперлись мятежные римляне. Их стены нещадно разбивали осадными орудиями, поджигали огнём. И храм и башня были залиты кровью. Так император Фридрих короновал свою жену Беатрису. Неудивительно, что он был отлучён от церкви и утонул в реке Салефе в самом начале Третьего крестового похода.

Его сын, король Филипп (1198–1208) так усердно сражался за трон с противником Оттоном Вельфом, что только за один год войны было разрушено несколько городов, 16 монастырей и 350 сельских церквей. Современник междоусобицы, классик немецкого средневекового миннезанга Вальтер фон дер Фогельвейде писал в одном из своих стихотворений, что «нигде не было такого вероломства, как в Германии». К слову, сам Вальтер вёл себя точно так же: он попеременно метался из лагеря в лагерь, «поливая» рифмой тех, кого только что восхвалял.

Западные авторы часто тиражировали и продолжают тиражировать сведения о страшном византийском обычае – выжигании глаз политическим противникам, включая свергнутых императоров. А что же, ничего подобного не было совершено по приказу западных королей? Всем известно, что отправляясь морем в Третий крестовый поход, англичане и французы захватили у греков Кипр. В разгар ссоры из-за дележа добычи английский король Ричард Львиное Сердце и французский король Филипп-Август приказали выколоть глаза по 15-ти французским и английским рыцарям соответственно, взятым в плен во время стычек друг с другом. А в 1198 г. из немецкого императорского плена возвратили сицилийских рыцарей и многие из них были ослеплены. Этих ослеплённых рыцарей по приказу папы водили по Риму, чтобы римляне испытали ещё большую ненависть к немцам и их императору.

Короля и императора Фридриха II (1212–1250) папа Григорий IX называл «зверем, исходящим из моря, о котором говорится в Апокалипсисе». Морская тема, кстати, оказалась для Григория роковой: он умер от горя и лихорадки после того, как Фридрих сорвал вселенский церковный собор в Риме (1241). Одних епископов император взял в плен, других (в том числе около двух тысяч духовных лиц) утопили в море возле острова Монте-Кристо (да, того самого!) корабли Фридриха и союзных ему пизанцев.

Но это всё правители Запада эпохи первых четырёх крестовых походов! А что же обычные рыцари? Кем были они – вдохновенными верующими странниками или продажными «псами войны»? Звон какого металла вдохновлял их сильнее – медь церковных колоколов или золото червонцев?

Многим хотелось бы видеть рыцарей такими, какими выглядят они под пером пикардийского трувера Конона де Бетюна, участника Третьего и Четвёртого крестовых походов. Послушаем его известную «Песнь о крестовом походе»:

«...За нас Христос, исполненный любви,
Погиб в земле, что туркам отдана.
Зальём поля потоком вражьей крови,
Иль наша честь навек посрамлена!
...Потоки слёз мне щёки бороздят, –
Я еду вдаль, предавшись Божьей воле,
Я не боюсь страданий и преград,
Одна любовь причина тяжкой боли...»

Ну чем не идеал рыцаря-странника, льющего в кольчужные колечки, словно на обручальное кольцо, жидко-солёную тоску из-за разлуки с любимой? Многие были бы готовы заплакать от умиления вместе с ним, если не знать, что именно он, Конон де Бетюн, был одним из руководителей Четвёртого крестового похода, что именно он, Конон де Бетюн, был регентом Латинской империи в 1216–1217 гг.

«...Зальём поля потоком вражьей крови,
Иль наша честь навек посрамлена!»

Как в воду глядел!

О том, кто же шёл на Восток дорогой «Via Sacra», сообщает нам в очередной «Песни о крестовом походе» другой поэт XII в., скрывавший настоящее имя под псевдонимом Рено:

«В погибель впал весь род людской,
Все люди сбились с пути.
И только через крест честной
Возможно им себя спасти.
И грешник, даже самый злой,
Прощенье может обрести:
Для этого к земле святой
Он должен под крестом идти.
Иерусалим рыдает,
О помощи взывает».

Выделим в связи с этим пятую строку: «И грешник, даже самый злой...». Для блюда войны годились даже самые испорченные ингредиенты. И чем дальше, тем больше ряды крестоносцев умножал откровенно маргинальный сброд.

Что представлял из себя этот сплав аскетизма, воинственности и искательства приключений ярко выразил один из известнейших идеологов западного рыцарства поэт Бертран де Борн (1140–1215). В его творчестве ярко отразилась и любовь к войне, и неприязнь к простому народу.

В одной из своих «Сирвент» он пишет:

«Жизнь в мире мне не дорога:
Не любо есть мне, пить и спать.
Люблю я крикам «На врага!»
И ржанию коней внимать
Пред схваткой боевой;
Мне любы крики «Помоги!»,
Когда сшибаются враги
И бьются меж собою,
И средь поломанных древков
Мне любо видеть мертвецов».

Вот так! «Мертвецов!»

В другой «Сирвенте» идеолог западного рыцарства расписался в своей ненависти к простому народу (крестьянам и горожанам, которым завидовало постепенно разоряющееся дворянство):

«Мужики, что злы и грубы,
На дворянство точат зубы,
Только нищими мне любы!
Любо видеть мне народ
Голодающим, раздетым,
Страждущим, не обогретым!
Пусть мне милая солжёт,
Ежели солгал я в этом».

Презирая свой народ, вряд ли воспылаешь уважением к чужому, византийскому!

Бертран де Борн почти всю жизнь провёл в войне с братом! Установившееся в Западной Европе право майората, при котором недвижимое имущество и титул умершего отца доставались только старшему сыну, пре-

вращало многих братьев в заклятых врагов. Поэт Вольфрам фон Эшенбах в самом знаменитом немецком средневековом романе «Парцифаль» (1210) называл это право «суровым законом». По этому поводу он писал:

«Так у родительского гроба
Вскипают вмиг вражда и злоба».

Далеко не всех западных рыцарей, обнажавших меч против врагов, смягчал вид надетого на этих врагов церковного облачения. Об архиепископе Кентерберийском Томасе Бекете уже говорилось выше. Но было множество других вопиющих примеров. Например, враг императора Фридриха Барбароссы, архиепископ Лундский, Эскиль на пути из Рима в Германию был ограблен рыцарями в Бургундии и заточён ими в тюрьму. Епископа Конрада Вюрцбургского, обвинённого в грабеже рыцаря, брата ограбленного рыцари Равенсбурги изрубили в куски так, что приехавшему в Вюрцбург императору Филиппу горожане и духовенство принесли с похоронными гимнами и требованиями правосудия только одну отрубленную руку. Одну! Это всё, что оставила ярость рыцарей от епископа!

Желание расправы с пленными смягчала не столько вера, сколько желание получить выкуп. Но даже засевшая в голове цифирь большого куша не всегда сдерживала желание рыцарей убивать. Во время завоевания Ирландии (1171–1176) английский граф Ричард Клерский в захваченном городе Уотерфорде взял в плен 70 знатных ирландцев и всех до одного бросил со скалы в море. В 1209 г. во время крестового похода против альбигойцев рыцари-крестоносцы вырезали 20 тысяч жителей города Безье. В одной только церкви Марии Магдалины было убито 7 тысяч человек. Крестоносцы убивали всех – и католиков, и еретиков. Так они выполняли приказ своего духовного руководителя аббата Сито. Ему приписывают фразу: «Убивайте всех! Господь отличит своих».

Нравы рыцарей Запада должна была смягчить куртуазная любовь, рыцарское служение даме. Она родилась в XII в. и быстро стала модной в среде молодых дворян. Куртуазность действительно подняла социальный престиж знатной женщины. Но почему же тогда Кретьен де Труа в том же XII в. в самом начале знаменитого романа «Ивэйн, или Рыцарь со львом» так описывал современные ему новые отношения полов:

«Грубее нынче стали нравы.
Теперь уже любовь не та:
Слывёт побаской чистота,

Забыта прежняя учтивость,
Нет больше чувства. Только лживость,
Притворный торжествует пыл, –
Порок влюблённых ослепил».

Некоторые рыцари «дослужились» своим дамам до того, что ради них творили себе членовредительство. Например, Ульрих фон Лихтенштейн, автор романа «Служение дамам» (1255) отрубил себе палец и передал его через посланца даме сердца, узнав о её сомнениях в том, что он покалечил этот палец на турнире ради неё.

Палец – ладно! Но иногда служение даме заходило так далеко, что меч становился уже не орудием членовредительства и даже не только орудием убийства. Например, тяжелейшее впечатление на современников произвела смерть рыцаря-трубадура Гильома де Кабестаня. За то, что тот сделал дамой сердца Соремонду, жену графа Раймонда Руссильонского, взбешённый граф выследил Кабестаня, отрезал ему голову, вынул сердце, изжарил его и подал на обед жене. Когда Соремонда съела обед, Раймон рассказал ей, из чего приготовлено жаркое. А чтобы не было сомнений, положил на стол отрезанную голову Кабестаня. Соремонда тотчас выбежала на балкон и сбросилась вниз.

Но, может быть, всех этих забияк, грешников и любителей мертвечины со всей Западной Европы излечивала восточная Святая земля? Слов нет, дрались они в большинстве случаев героически. Хотя позорные казусы случались и здесь. Например, знатный английский рыцарь-тамплиер Роберт Сент-Албанский перебежал к Саладину, принял ислам и стал египетско-сирийским военачальником. Так же поступили в конце XII в. ещё несколько известных рыцарей.

А одним из наиболее колоритных рыцарей Святой Земли стал Райнальд (Рено) де Шатильон. Без денег и титула он обратил на себя внимание вдовствующей княгини Констанции Антиохийской, женился на ней. И тут началось... По словам Б. Куглера, он поссорился с антиохийским патриархом, схватил его и выставил этого пожилого человека с вымазанной мёдом головой в жаркий летний день на съедение осам и мухам. Именно он ограбил караван, в котором ехала сестра султана Саладина. Как раз это стало поводом к «священной войне» султана и захвату им Иерусалима (1187).

А что же представляли из себя служители католической церкви того времени? Намного ли в нравственном отношении духовные лица на Западе превосходили светских лиц?

Уже хронист Первого крестового похода Фульхерий Шартрский в своей «Иерусалимской истории» так описывает и степень религиозности като-

ликов, и реакцию на это папы Урбана II: «Видя, как вера христианская безгранично попирается всеми, и духовенством, и мирянами...».

В народе к католическим священникам было разное отношение – от благоговейного до негативного (отсюда – ереси, в том числе вальденсов и катаров). Народная литература XII–XIII в. самых разных жанров содержит немало примеров критики нравов духовных лиц.

Так, в известном фаблио, «О Бурёнке, поповской корове» мы читаем:

«А поп их был большой хитрец...
Руки сложил виллан: «Отец,
Примите Богу в дар коровку»,
И передал попу верёвку,
Клянясь, что отдал всё, что мог.
«Ты мудро поступил, дружок, –
Сказал отец Констан учтивый,
Изрядно жадный до наживы...»

В другом известном фаблио «Завещание осла» приводится почти схожая характеристика католического пастыря:

«В селе богатом жил священник;
О том лишь думал, как бы денег
Для церкви побольше собрать
Да самому богаче стать».

В популярнейшем «Романе о лисе» есть диалог лиса Ренара и волка Примо, которые пролезли в монастырскую церковь и, кроме облаток для причастия, обнаружили там в ларе у алтаря припрятанные священником огромные запасы вина и не постной, а скоромной еды:

«Поп, знать, запасливый мужик!»
«Да, любит сытно есть старик!
Мирянам эти кругляшки
Из теста – только для души,
Но падок ведь на них народ,
И оттого растёт доход
У церкви. Дурни и глупцы!
Попы, обжоры-подлецы,
Крестьян доверчивых всегда
В церквях проводят без труда».

Поэт-вагант XII века Архипиита Кёльнский ужесточает приговор католическому клиру:

«Священнослужители нынче стали плохи:
Наши им неведомы горестные вздохи,
В их домах, бесчинствуя, скачут скоморохи,
Вместо нас последние подъедая крохи».

Ещё более резок крупнейший поэт-вагант XII века Вальтер Шатильонский:

«Возглавлять вселенную призван Рим, но скверны
Полон он, и скверною все полны безмерной –
Ибо заразительно веянье порока,
И от почвы гниlostной быть не может прока.
Рим и всех и каждого грабит безобразно;
Пресвятая курия – это рынок грязный!
Там права сенаторов продают открыто,
Там всего добьёшься ты при мошне набитой.
Здесь для богача богач всюду всё устроит
По поруке круговой: рука руку моет,
Здесь для всех один закон, бережно хранимый:
«Ты мне дашь – тебе я дам» – вот основа Рима!»

По словам Ш. Пти-Дютайи, симония и николаизм (свобода прелюбодеяния) распространялась в католическом духовенстве эпохи крестовых походов сверху донизу. Аббат Сен-Дени Ив подвергал пыткам тех, кто доносил о его оргиях. Архиепископ Реймский Маннасей занимался охотой и разбоем.

Сплошь и рядом католические священники присваивали себе пожертвования прихожан, собранные на крестовые походы. Дальнейшее зависело от фантазии воров в рясах. Например, священник Арнульф де Грин тратил эти деньги на кутежи, а епископ Дургемский покупал на них драгоценную посуду.

Римские папы устанавливали фиксированные таксы на продажу церковных должностей. Так, за утверждение в церковном сане епископа папе нужно было разово заплатить сумму, которая равнялась годовому доходу епархии. Со временем этот подбор получил название «аннаты». Тем самым подтверждалось право на доход с церковной должности.

Католические священники любили повоевать. Например, в битве при Бувине (1212) особенно прославился умением владеть палицей

и бить ею англичан французский епископ Бове. Ну а многие из тех, кто не воевал, иным путём искали себе добычу. Так, архиепископ Кёльнский Адольф во время гражданской войны в Германии перешёл на сторону Филиппа Гогенштауфена за 5 тысяч марок. Брать меньше не позволяло положение.

«Божий мир», который объявляли иерархи католической церкви (то есть запрет на войну с вечера четверга до утра понедельника) нарушался зачастую ими же. Так, в царствование Фридриха I Барбароссы архиепископа Майнцского как раз за нарушение мира съезд князей в Вормсе приговорил к традиционному немецкому наказанию – публично нести на плечах собаку. Это означало, что во всех отношениях исполнитель наказания стоит ниже собаки, которая возвышается над ним.

Монахов-воинов Ордена тамплиеров – самых доблестных воинов Святой земли – всюду осуждали уже современники. Римский папа Иннокентий III в 1208 г. обвинял тамплиеров в демонических лжеучениях и безнравственности. «Пьёт как тамплиер», – так звучала поговорка эпохи Крестовых походов.

Вообще, западноевропейское общество того времени было сильно алкоголизировано¹. По расчётам А. Л. Ястребицкой, в эпоху крестовых походов западный европеец выпивал в среднем в день 1,5 литра спиртного (!). О чудовищных масштабах пьянства повествует популярная тогда «Кабачная песня»:

«...Пьёт хозяин, пьёт хозяйка,
Пьёт и братия, и шайка,
Пьёт и овый, пьёт и оный,
Пьёт невежда, пьёт учёный,
Пьёт монах и рыцарь тоже,
Пьёт епископ и вельможа,
Пьёт и трезвый и пьянчужка,
Пьёт и барин, пьёт и служка;
Пьёт и домосед, и странник,
И неведомый изгнанник,
Пьёт и старый. Пьёт и малый,
Пьёт и шалый, пьёт и вялый,
Пьёт и бабка, пьёт и дедка,
И мамаша, и соседка,
Пьёт богатый. Пьёт и нищий,

¹ Много пили и византийцы, в чём откровенно признавался Никита Хониат в своей «Истории».

Хлещут сотни, хлещут тыщи...
Сто кругов обходят чаши,
И не сохнут глотки наши...»

Понятно теперь, какими глазами (и пьяными, и трезвыми, и жадными, и потрясёнными) смотрели пилигримы Запада на богатства Константинополя и Византии? Французский историограф XII в. Одон Дейльский, автор сочинения «О странствованиях Людовика VII, франкского короля, на Восток», в таких словах выразил свой неистовый восторг при виде Влахернского дворца Константинополя: «Его внешняя красота почти несравненна, но красота внутренняя превосходит всё, что я только мог сказать о ней. Со всех сторон он расписан золотом и разноцветными красками, двор выстлан мрамором с изысканным мастерством, и я не знаю, что придаёт дворцу большую ценность и красоту – совершенство ли искусства или богатство материала».

Ничего подобного на Западе ещё не было.

Нетрудно представить себе с какими чувствами уходили из богатого Константинополя в бедные безводные пустыни Востока западные рыцари и сколько раз в их головах, стиснутых железными радиусами шлемов, металась одна и та же сжигавшая их мысль: «Зачем куда-то уходить? А может, останемся здесь, и не на правах гостей, а на правах хозяев?!»

Этим мыслям, безусловно, помогали растущие разногласия между византийцами и латинами. Дров в костёр этих разногласий, конечно, подбросили и организаторы кровавой «константинопольской бани 1182 г.». Однако даже тогда, когда в неудачах крестоносных начинаний очень хотелось обвинить греков, на Западе всё же находились люди, писавшие в духе известной нам поговорки: «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива!» Известный автор, участник Второго крестового похода хронист Оттон Фрейзингенский предельно откровенен: «Но всем известно, какой конец имел этот поход по нашим грехам.... Мы за нашу гордыню, за распущенность нравов и пренебрежение спасительными заповедями понесли заслуженный ущерб имуществом и лично...».

Выделим ещё раз это слово – «заслуженный»!

К концу XII в. положение крестоносцев в Святой земле ухудшилось до предела. Египетско-сирийский султан Саладин захватил Иерусалим (1187), а Третий крестовый поход так и не привёл к его освобождению. В этой ситуации Четвёртый поход был неизбежен, и главная интрига заключалась только в том, кто и когда огласит его начало. К началу любого крестового похода всегда призывали римские папы. Оставалось только дождаться, голос какого первосвященника окажется громче.

В 1198 г. Святой престол занял Иннокентий III – самый могущественный папа за всю историю римского понтификата. «Царь царей», как называли его многие, автор высказывания о том, что духовная власть подобна солнцу, а светская – луне. Никто до него так часто не налагал церковные отлучения и интердикты на князей, королей, целые страны. Уже в год своего избрания, папа издал указ о начале нового крестового похода. Целью его, как и прежде, было возвращение Иерусалима. Немаловажно будет отметить, что захват Саладином Иерусалима Иннокентий III называл божественным возмездием за грехи и падение морали западных христиан.

Поднимать мораль единоверцев, обличать разврат, пьянство, ростовщичество многие годы стремился приходской священник Фульк из Нейи. Этот человек, одарённый счастливым даром слова, был способен зажечь призывами любую даже самую равнодушную толпу. Именно он стал наиболее известным и успешным из проповедников Четвёртого крестового похода, собрал больше всего крестоносцев и денег. Он так воспламенял призывами толпы своих слушателей, что они, считая Фулька святым, начинали рвать его одежду на кресты. Однажды, чтобы сберечь в целости свою рясу, он закричал верующим: «Не рвите мою одежду, она не благословлена. Я благословляю одежду вот этого человека». С этими словами Фульк перекрестил наряд одного из своих почитателей, и тотчас этот наряд был разодран в клочья. Данный эпизод даёт представление о том, что крестonosный энтузиазм латинов был ещё достаточно высок.

Могущество и харизма Иннокентия III, успехи проповедников, огромные толпы желающих, реки собранных денег – всё это, казалось, сулило успех Четвёртому крестовому походу (1202–1204). Он мог стать самым результативным и самым ярким из всех деяний крестоносцев. Мог. Но не стал...

Впервые по плану руководителей похода (князя Бонифация Монферратского, графа Балдуина Фландрского и др.) решено было нанести удар по Египту. После этого, разорив логово египетско-сирийского султана, можно было без особых проблем идти на Иерусалим. Для того, чтобы преодолеть морские мили Средиземноморья, крестоносцы обратились за помощью к Венецианской республике Св. Марка. Именно Венеция в то время имела репутацию «Царицы морей» и только она могла помочь крестоносцам огромным флотом. Однако разгром Египта, с которым активно торговали венецианцы, не входил в окончательные намерения последних. Поэтому любое нарушение договора и изменение маршрута крестоносцев было бы на руку правителям Венецианской республики.

Дожем (правителем) Венеции был девяностолетний Энрико Дандоло. Несмотря на более чем почтенный возраст и слепоту он решил использо-

вать крестоносные рати для пользы своего государства. Главным торговым конкурентом Венеции он считал Византию. Её же – и личным врагом! По одной из версий (хотя и не подтверждённой) его ослепил во время дипломатической миссии в Константинополе византийский император Мануил Комнин.

Судьба Византии, таким образом, была предрешена. Её будущее было таким же чёрным, как мир в глазах слепого дождя. Оставалось только дожидаться срыва договора.

За этим дело не стало.

По договору Республики Св. Марка и крестоносцев венецианцы обещали предоставить флот для перевозки 4,5 тысяч всадников, стольких же коней, 9 тысяч оруженосцев, 20 тысяч пехотинцев и в течение 9 месяцев обеспечивать их кормом. За это крестоносцы должны были заплатить 85 тысяч кельнских марок (то есть более 20 тысяч килограммов или 20 тонн) серебром. Это была огромная сумма денег, которую с трудом выложили бы крестоносцы даже в том случае, если бы их рати отличались железной дисциплиной, обязывающей всех участников похода без исключения прибыть в Венецию. Однако одни рыцари, сбившись в отряды, уплыли в Святую Землю по своей инициативе, другие же частью не захотели, а частью и не смогли сделать беспощадные кровопускания своим кошелькам. В итоге крестоносцы наскребли лишь 51 тысячу вместо 85.

Математика тотчас похоронила географию. Бухгалтеры от политики торжествовали. О каком Египте теперь могла идти речь?! Торговым интересам Венеции в этой стране больше ничто не угрожало.

Пока крестоносцы делили своё ожидание друг с другом в тесноте островка Сан-Николо-ди-Лидо, где их разместили венецианцы, Дандоло сотоварищи придумали план. Пилигримам в кольчугах предложено было отработать долг ратным подвигом, противоречившим их обету. Им следовало захватить для венецианцев неприступный хорватский город Задар, которым владели венгры. Это позволило бы венецианцам чужими руками избавиться от главного торгового конкурента на Адриатике. Отметим при этом, что венгерский король Имре, чьи подданные владели Задаром, тоже принял на себя обет крестоносца!

Чтобы понять цинизм и чудовищность этого предложения, нужно вспомнить, что воин, принявший крест и поклявшийся идти освобождать Гроб Господень, не должен был обнажать оружие против христиан. Представьте, что группе вегетарианцев предлагают поохотиться на стадо оленей, чтобы вонзить затем свои зубы в их хорошо прожаренные бока! То, на что толкали крестоносцев, должно было вызвать их во сто крат большее возмущение, чем вегетарианцев.

Должно было. Но...

Лишь небольшая часть рыцарей и князей отказались от этой авантюры. К слову, среди отказников был и будущий душитель и мучитель альбигойцев Симон де Монфор. Даже тот, кто через 7 лет зальёт Лангедок кровью и закропит пожарами его ясное небо, понял, какой грех должен совершить Крестоносец перед верой и клятвой. Однако таких как он оказалось немного.

Хронист Гунтер Пэрисский в «Истории завоевания Константинополя» открыто критиковал венецианцев. По его мнению, успех завоевания Египта был бы полным, если бы не планы правителей Республики Св. Марка: «Однако осуществлению этого достойного всяческой похвалы совета наших князей помешали коварство и подлость венецианцев, которые, как хозяева кораблей и владыки Адриатического моря чуть не отказали им в переправе, если они до того не завоюют ... Задар».

Задар был взят и разграблен. И именно здесь произошли первые бои крестоносцев с венецианцами и друг с другом. Погибали и простые рыцари, и их предводители. Так крестоносцы коротали время до весны 1203 г.

Участник похода, французский рыцарь Робер де Клари не сумел умолчать в своей книге «Завоевание Константинополя» о том, что творилось в Задаре: «А потом случилось так, что вспыхнула большая распря между венецианцами и меньшим людом пилигримов, которая продолжалась целую ночь и полдня. И столь ожесточенной была эта распря, что рыцари лишь с трудом смогли разнять дравшихся».

Иннокентий III отлучил участников задарской авантюры от церкви, но ненадолго. Отлучение было вскоре снято. Его понтифик формально оставил лишь за венецианцами. Понятие «общественное мнение» в то время ещё не существовало, но папе следовало предстать перед верующими в определённом свете. Внутренний механизм и мотивы принятия подобного решения папы разъяснил в своей хронике Аноним Гальберштадтский. Он писал, что послов крестоносцев, отправленных в Рим, папа отослал к войску «и распорядился снять с него отлучение, выказав надлежащую осмотрительность, которая подобает апостольским повелениям, [а именно]: если венецианцы испытывают на себе благо отлучения, то они [крестоносцы] тем не менее, должны [продолжать] общаться с ними; ибо пилигримы, находясь на кораблях венецианцев, пребывают как бы в их жилищах, а приговор отлучения, коему венецианцы подвергнуты, [лишь] как отцы семейств, не распространяется на пилигримов, состоящих членами этих семейств».

Это означало, что папа простит их и в дальнейшем!

Не чувствуя бремени огорчений от официальной позиции папы, венецианцы уже приготовили новый захватнический план. Повод появился сам собой, точнее этот повод привёз в крестоносно-венецианский лагерь

византийский царевич Алексей. Сын императора Исаака II Ангела, свергнутого и ослеплённого его родным братом Алексеем III Ангелом, царевич тщетно объезжал дворы Европы в поисках помощи для восстановления на троне отца.

Царевич был несовершеннолетний (М. А. Заборов, например, считал, что ему на тот момент исполнилось 12 лет, хотя в справочных изданиях год его рождения указывают приблизительно: «ок. 1183 г.»). Вне зависимости от реального возраста несовершеннолетний сын старого узурпатора, свергнутого новым узурпатором, не имел права подписывать тот договор, который по сути продиктовали ему венецианцы и крестоносцы. Византийский автор Никита Хониат с возмущением писал: «Приняв к себе Алексея, мальчишку сколько по летам, столько же и по уму, все эти ловкие и искушённые в делах мужи уговорили его поклястися в том, чего он не в состоянии был исполнить никогда».

По договору 1203 г. латины обещали вернуть трон его отцу. За это Алексей обещал выплатить 200 тысяч марок (то есть в 2,5 раза больше, чем задолжали крестоносцы венецианцам), предоставить для войны против султана 10 тысяч солдат и флот, содержать на свои деньги в Святой Земле 500 воинов. Отдельный пункт гласил – Православная византийская церковь подчинится Римскому папе! Или, говоря словами Никиты Хониата, грекам предстояло «принять латинские уклонения в вере, признать все папские привилегии». Это было прямое нарушение норм канонического права! Вопросы веры могли решать лишь духовные иерархи. Французский феодал, один из военачальников крестоносцев Виллардуэн в «Завоевании Константинополя» откровенно писал, что латинов очень заботила перспектива «поставить всю Ромейскую империю в подчинение Риму, от которого она давно отделилась». Таким образом, договор был изначально неисполним хотя бы потому, что законность всего подписанного несовершеннолетним царевичем вызовет сомнения даже у человека, весьма далёкого от юриспруденции.

Однако обременять свои мысли таким мудрёным словом искатели наживы не пожелали.

Флот латинов взял курс на Константинополь. 19 июля 1203 г. Исаак II Ангел был восстановлен на престоле. Слепой отец и зрячий сын стали соправителями. Однако присутствие крестоносцев, уступки папе и огромные налоги, которыми соправители обложили подданных для того, чтобы расплатиться по условиям договора, вызвали в Константинополе взрыв ненависти греков к гостям с Запада. Особенно возмущало их то, что в счёт уплаты долга шли слитки золота, в которое переливали священную церковную утварь.

Никита Хониат в своей «Истории» называл крестоносцев «пиратской шайкой», «грязной бандой», «разбойничьей экспедицией». Он лишь озвучивал ту титулатуру, в которую возводили иноземцев в своих репликах разгневанные их присутствием жители Константинополя. Участились вооружённые столкновения между греками и латинами. Ромейская империя погружалась в анархию. Очередной дворцовый переворот в этих условиях осуществить было нетрудно. 5 февраля 1204 г. новым императором стал Алексей V Дука, прозванный из-за густых кровей и строгого взгляда Мурзуфлом (то есть «насупленным»). Мурзуфл ненавидел латинов и тех, кто их пригласил.

Вместе с телами свергнутых соправителей Исаака и Алексея могла быть похоронена последняя надежда крестоносцев вырвать у греков то, что было обещано им. «И в сорока богатейших городах земли, я полагаю, не было столько богатств, сколько их было в Константинополе!» – писал Робер де Клари. Рыцари от жадности потирали руки и искали им иное занятие. Оружие было рядом.

Боясь потерять деньги и не дожидаясь церковной унии, крестоносцы и венецианцы решились на штурм. Ещё в марте 1204 г. между ними был составлен подробный договор о разделе Константинополя. Всё было учтено. Становилось ясно – со взятием столицы Византии и её ликвидации как государства отпадут причины продолжать крестовый поход и идти освобождать Иерусалим.

9 апреля 1204 г., в неделю Вербного воскресенья (!) начался штурм. К стенам Константинополя шли корабли крестоносцев, стянутые попарно, с установленными на них стенобитными орудиями. К их мачтам приковывали рыцарей-отказников, чтобы византийские стрелы первыми поражали тех, кто не желал обнажать меч против христиан.

В этой связи очень важен вопрос о том, как была поставлена в войске крестоносцев и венецианцев идеологическая подготовка воинов. Как вожди венецианцев и крестоносцев заставили одних христиан лить кровь других?

Робер де Клари, простой рыцарь, разделявший чувства тысяч таких же воинов, как и он сам, неоднократно ссылался на призывы католических епископов и священников крестоносного войска о том, что захват Константинополя – законное и богоугодное дело: «...И епископы сказали, что именем Бога и властью, данной им апостоликом, отпускают грехи всем, кто пойдет на приступ, и епископы повелели пилигримам, чтобы они как следует исповедались и причастились и чтобы они не боялись биться против греков, ибо это враги господя». «Почему мы вам объявляем, – говорило духовенство, – что война правильна и справедлива, и если вы имеете прямое намерение завоевать эту землю и подчинить ее Риму, то

получите отпущение грехов, как дал вам то апостол всем, которые исповедуются и умрут». Знайте, что эти слова служили большим подкреплением для баронов и пилигримов». Тот же Клари сообщает нам, что первой к стенам Константинополя подошла галера епископа Суассонского (!) А брат самого Клари, хотя и был священником, сам непосредственно участвовал в штурме (!)

Опасения крестоносцев насчёт возможного гнева римского папы и возможного отлучения их от Церкви передаёт Гунтер Пэрисский в «Истории завоевания Константинополя». «Однако, – писал он, – верховный понтифик с давних пор ненавидел этот город (Константинополь – С. Л.) и сам он, и его предшественники, ибо он [Константинополь] давно уже отложился от римской церкви... Да, он ненавидел его, как мы сказали, и очень хотел, чтобы этот город, если возможно, был завоёван без кровопролития католическим народом, – только бы это не угрожало поражением нашему войску».

Поражение выпало на долю не нападавших, а защищающихся. Император Алексей Мурзуфл не обладал качествами выдающегося правителя и полководца. Даже Никита Хониат не жалел чёрных красок для описания очередного узурпатора власти, который предстаёт под его пером как «бесстыдный развратник и сластолюбец». Несмотря на численное преимущество и высокие стены Константинополя, византийцы потерпели позорное военное поражение. 12 апреля крестоносцы возобновили штурм, ворвались на стены, выломали ворота. Город пламенел от крови и пожаров: за время военных действий выгорело 2/3 всех домов. Алексей Мурзуфл бросил своих подданных и бежал с несколькими центнерами золота. Утром 13 апреля сопротивление греков было окончательно сломлено. Позор победители и побеждённые делили на двоих: ведь случилось всё это в конце Великого Поста!

Так, впервые за тысячу лет, пал Константинополь, это «око всех городов», по выражению Никиты Хониата. Захват города сопровождался жуткими грабежами и убийствами. Священники крестоносцев крали ценности и истязали местных жителей, вымогая у них деньги. Рыцари насиловали даже монашек. Растерзанные трупы женщин, детей, стариков вымостили путь крестоносцев к центру города. Латинами, этими, по выражению Никиты Хониата, «мужами крови», были поруганы церкви и монастыри. Осквернён был даже самый большой храм христианского мира – Храм Святой Софии. Чтобы вывезти из него награбленную церковную утварь латины ввели в храм мулов и ослов. Погибали произведения искусства, которые превращались в бесформенные слитки золота и серебра. По словам Никиты Хониата, сарацины и те поступали благороднее крестоносцев по отношению к грекам-христианам. «Когда же они делили добычу, – пи-

сал он, – то не было для них разницы между мирской утварью и священными сосудами: равным образом все использовали они для своих плотских нужд, не заботясь ни о боге, ни о правосудии. Даже из божественных изображений Христа и святых они делали сиденья и скамейки для ног...».

Мишенями грабежа, а впоследствии и предметами бесстыдного торга становились и главные христианские святыни, захваченные латинами (фрагмент Истинного Креста, кость Иоанна Крестителя, часть руки св. Якова и др.). Среди этих святынь особо почитаемым был Терновый венец Христа. Крестоносцы впоследствии продали его французскому королю Людовику IX Святому за огромную сумму в 135 тысяч ливров. Для её хранения в Париже построили церковь Сен-Шапель. Сейчас Терновый венец хранится в Соборе Парижской богородицы и служит вечным напоминанием о той смертельной ране, которую нанесли крестоносцы Византии в 1204 г.

Добыча, добыча, добыча... Жоффруа де Виллардуэн, один из руководителей крестового войска, истекал вместе с чернилами такими словами радости по этому поводу: «Добыча была столь велика, что никто не мог бы вам сказать, сколько там было золота и серебра, сосудов и драгоценных камней, атласных и шёлковых материй, меховых одежд и всяческих богатств, какие когда-либо имелись на земле». И далее : «Те, кто находился [ранее] в бедности, [теперь] пребывал в богатстве и роскоши».

Эти слова раскрывают нам истинные цели участников Четвёртого крестового похода. По справедливому мнению Ф. И. Успенского, в этом походе «на первый план ясно выступает не религиозная, а политическая идея». Захватив Константинополь, крестоносцы и не помышляли больше о походе на Иерусалим. На Балканах была создана Латинская империя (1204–1261). Счетоводы в стальных нарукавниках и кольчужных пиджаках скрупулёзно поделили захваченные территории – они достались венецианцам и крестоносцам поровну.

С. П. Карпов в своей монографии «Латинская Романия» писал: «Катастрофа, казавшаяся многим современникам столь неожиданной и невероятной, была подготовлена длительным процессом децентрализации Византии, усилившимся с конца XII в.». Б. Куглер считал, что Византия сама ускорила свою гибель, превратив за столетие своих союзников во врагов. При этом главную вину за разгром Византии немецкий исследователь возлагал не на Дандоло, а на германского императора Филиппа Гогенштауфена, который отправил своего зятя, византийского царевича Алексея в лагерь крестоносцев. «Таким образом, – писал он, – политика Штауфенов произвела отклонение четвёртого крестового похода от Египта и направила его на Константинополь».

Выскажемся определённое – беда пришла с Запада. И венецианцы, и крестоносцы добились того, чего хотели. В Египте вздохнули с облегчением и... наградили венецианцев выгодным торговым договором 1208 г. Так султан оценил старания правителей родины гондолы.

Иннокентий III сделал то, что и должен был сделать: сначала отлучил, а затем простил захватчиков Константинополя. Слишком желанным он считал обладание католиками такой империей, и слишком большие выгоды для понуждения греков к церковной унии сулило это обладание. Был Задар. Теперь вот Константинополь. Там католики, здесь – непокорные «схизматики». Дальнейший план того, кого Ф. И. Успенский верно считал «душой и возбудителем четвёртого похода» был понятен – греки должны признать власть Рима. Любой ценой!

9 мая 1204 г. императором Латинской империи или, как её называли современники, Романии, избрали графа Балдуина Фландрского. Через неделю состоялась его торжественная коронация в Храме Святой Софии, который, согласно договору, перешёл к венецианцам. Венецианцы получили огромные привилегии. Они присвоили себе право посреднической торговли Запада и Востока. Коммерческий расчёт оказался выше вопросов веры.

Однако судьба заслужено мстила державе, зачатой в бесчестии и позоре. Спустя год Балдуин I, признанный Иннокентием III, был разгромлен болгарами и попал в плен, где и погиб. Согласно легенде, болгарский царь Калоян сделал из его черепа пиршественную чашу. Энрико Дандоло умер в том же 1205 г., потрясённый известием о разгроме латинов и пленении Балдуина. Дандоло похоронили в Храме Св. Софии, осквернённом его замыслами. Но поразительная вещь – когда в 1261 г. византийцы уничтожили Латинскую империю и восстановили своё государство, могилу Дандоло оставили неприкосновенной. Никто её не разорил. Прах виновника тысяч смертей остался там, где его положили. Могила Дандоло сохранилась в Храме Св. Софии до наших дней. Вот вам пример истинного христианского смирения и всепрощения во всём её прекрасном проявлении.

Примечательны и обстоятельства гибели Латинской империи, которую почти шесть десятков лет раздирали внутренние конфликты и внешние войны. Эта гибель была такой же позорной, как её зачатие и рождение. Летом 1261 г. из Никейской империи – одного из осколков прежней Византии – к Константинополю выдвинулся отряд Алексея Стратегопула. Весь отряд насчитывал всего 800 человек. В ночь с 24 на 25 июля Алексей проник в город, а утром прокатился со своими всадниками до дворца латинского императора, который трусливо бежал.

По иронии судьбы последний император Латинской империи носил то же имя, что и первый – Балдуин.

Византийская империя была восстановлена. Однако рана, нанесённая ей латинами, оказалась роковой. За годы их владычества Константинополь обезлюдел. Если до нашествия крестоносцев в нём, по разным оценкам, проживало от 250 тысяч до 500 тысяч человек, то в 1261 г. там оставалось всего 50 тысяч жителей. Четвёртый крестовый поход предрешил её дальнейшую судьбу – причины окончательной гибели Византии под ударами турок-османов в 1453 г. нужно искать в событиях 1204 года.

* * *

Среди отечественных исследователей истории крестовых походов, в том числе Четвёртого, особое место принадлежит профессору императорского Харьковского университета Василию Карловичу Надлеру (1840–1894). В этом университете в 1865–1891 гг. он был ведущим медиевистом, после чего, до самой своей смерти занимал кафедру всеобщей истории в Новороссийском (Одесском) университете.

В. К. Надлер был потомком немецких эмигрантов. Он родился в Харькове в семье провизора, управляющего аптекой. Харьковская среда существенно повлияла на национальные рефлексy и вероисповедание многих местных немцев. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Василий Карлович был православным русскоязычным человеком, настолько же страстным, насколько и искренним подданным Российской империи.

В 1857–1862 гг. В. К. Надлер учился на историко-филологическом факультете Харьковского университета. Его научные взгляды формировались под влиянием таких известных факультетских профессоров как М. Н. Петров и П. А. Лавровский. Средневековая тематика, которой они посвятили значительную часть своего творчества, сразу увлекла и их ученика.

В 1862 г., после окончания университета, В. К. Надлера оставили на кафедре всеобщей истории для приготовления к профессорскому званию. В течение двух лет он подготовил и защитил магистерскую диссертацию «Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и Западной Европе в конце XIV и начале XV вв.» (1864). Ещё через три года В. К. Надлер защитил докторскую диссертацию «Адальберт Бременский – правитель Германии в молодые годы Генриха IV» (1867). Новоиспечённому доктору всеобщей истории было в ту пору всего 27 лет. В 1868 г. доцент В. К. Надлер стал экстраординарным, год спустя – ординарным, а в 1890 г. – заслуженным профессором.

Наряду с успехами в области научных достижений быстро росли и административные успехи В. К. Надлера. С 1869 по 1875 г. он был секретарем, с 1875 по 1891 г. – неизменным деканом историко-филологического факультета Харьковского университета, а в 1877 г. – первым пред-

седателем Харьковского Историко-филологического общества. Отметим, что с 1891 г. В. К. Надлер возглавлял историко-филологический факультет и в Новороссийском (Одесском) университете. В 1893 г. он исполнял обязанности ректора этого университета.

В. К. Надлер был блестящим лектором, о чём в своих воспоминаниях сообщают его ученики В. П. Бузескул и А. С. Вязигин. Основной курс, который В. К. Надлер преподавал в стенах Харьковского университета с 1864 г. – история Средних веков. Наряду с общим курсом он читал и ряд спецкурсов. При этом география лекций учёного была велика – Западная Европа, Византия, Восток. Ещё на заре своей научно-педагогической деятельности В. К. Надлер остро критиковал зарубежных и отечественных медиевистов за то, что в своём творчестве они ограничиваются освещением истории лишь западноевропейских народов.

Среди его спецкурсов была и «История Крестовой эпохи». В. К. Надлер читал её дважды – в 1883–1884 и 1889–1890 уч. г. Сохранилась литография студенческих записей спецкурса за 1890 г. в двух частях. Она даёт полное представление о научных взглядах учёного на причины, ход и последствия крестовых походов.

Спецкурс В. К. Надлера отражал наиболее передовые тенденции в медиевистике по этому вопросу. К 1880-м годам исторический анализ крестовых мероприятий мало удовлетворял требованиям науки. Авторы работ по этой тематике обычно абсолютизировали чисто конфессиональные причины походов (см. напр., Ж. Мишо, Г. Гегель). Начало новой разработки истории крестовых походов положили публикации немецкого учёного Г. Зибеля. В. К. Надлер высоко оценил значение этих публикаций, поскольку Г. Зибель впервые критически подошёл к событиям этой эпохи.

Критический подход к описываемым событиям проявил и В. К. Надлер. Отбросив устаревшие концепции Ф. Вилькена и Ж. Мишо, изображавших эти походы как чисто религиозные мероприятия, харьковский учёный выделил целый комплекс вызвавших их причин. Среди них он особенно подчёркивал социально-политические изменения внутри самого западноевропейского общества. В. К. Надлер контрастно изображал отсталую, необразованную Европу и цветущий цивилизованный Восток. В так называемую «культурную противоположность» Востока и Запада он включал, наряду с различием веры, различия политического и экономического строя. Эти и другие высказывания В. К. Надлера наносили сильный удар по европоцентризму, присущему не только многим зарубежным, но и отечественным медиевистам.

Особое место в истории крестовых походов В. К. Надлер отводил Византии. Среди трёх причин этих походов на первое место учёный поста-

вил «Изменившееся положение дел на Востоке и ослабление Византии». Главным инициатором крестовых походов В. К. Надлер считал не Петра Амьенского, а папство, конкретно – Урбана II, которому принадлежали «план и идея» первого из них.

Уже при освещении этого первого похода харьковский учёный подробно охарактеризовал отношения крестоносцев и Византии. По его мнению, уже тогда «Крестоносцы угрожали решительной гибелью Византийской империи... И совершенно несправедливо историки до Зибеля упрекали императора в ложной политике по отношению к крестоносцам». По этой причине В. К. Надлер целиком оправдывал отношение императора Алексея I Комнина к крестоносцам.

Признавая научную новизну курса В. К. Надлера, следует указать на то, что предложенная им нумерация крестовых походов отличается от той, которая является общепринятой в современной медиевистике. Второй крестовый поход он датирует 1101–1102 годами, третий (по установившейся сейчас нумерации – второй) – 1147–1149 гг, четвёртый (то есть третий) – 1189–1192 гг., пятый – 1197–1198 гг. Таким образом, тот крестовый поход, который мы знаем под названием Четвёртого, В. К. Надлер и пером и словом обозначал как Шестой. Отметим, однако, что подобные разночтения целиком отражали палитру мнений европейских медиевистов XIX в. по этому вопросу¹, и харьковский учёный не был здесь оригинален.

В поражении Второго (у В. К. Надлера – Третьего) крестового похода, по его мнению, не было ни малейшей вины Византии. В таких печальных результатах не следует винить греков, как это делали прежние исследователи», – доказывал он. Всю вину за это поражение учёный возложил на вождей крестоносцев.

Четвёртый (у В. К. Надлера – Шестой) крестовый поход был, по его верному мнению, «создан инергическими (так в тексте – С. Л.) усилиями знаменитого папы Иннокентия III». Этот поход В. К. Надлер считал отражением тех светских мотивов и тенденций, «которые с течением времени брали всё более и более перевеса над побуждениями и мотивами чисто религиозными». В Западном обществе «сильно упало религиозное настроение». Этим настроениям учёный противопоставлял осуществляемый Иннокентием III «идеал папской мировой власти». «При нём, – указывал В. К. Надлер, – мировое господство пап, как над церковью, так и над светским обществом из области теории перешло в действительность». По этой причине учёный указывал на противоречия, которые обострились в отношениях папы не только со светскими лицами Запада, например с пра-

---

¹ Например, Ж. Мишо Четвёртый крестовый поход называл Пятым.

вителями Венеции, но даже и с католическим клиром, например с французским.

В. К. Надлер раскрыл детали подготовки Четвёртого крестового похода, роли в нем папы, отдельных проповедников (например, Фулька из Нейи), светских феодалов. Позицию Венеции и Энрико Дандоло учёный объяснял исключительно прагматическими торговыми и политическими интересами, в то время как папа опасался, «чтобы венецианцы не воспользовались силами крестоносцев для других предприятий».

Описание Четвёртого крестового похода В. К. Надлер построил на глубоком анализе источников, прежде всего мемуаров Жоффруа де Виллардуэна и «Истории» Никиты Хониата. Харьковский учёный откровенно признавал, что венецианцы выполнили перед крестоносцами все условия заключённого между ними договора, а сам Дандоло «жил одними интересами республики», думал лишь о выгоде Венеции и ради этого мог решиться на «не совсем добросовестное дело». Поэтому после взятия Задара Дандоло удерживал крестоносцев в захваченном городе до весны, так как на деле уже тогда, до появления царевича Алексея намеревался предпринять поход на Константинополь. В этом состояла «коварная политика венецианцев», приведшая их и крестоносцев под стены византийской столицы.

Из-за постоянных политических переворотов её народ «относился с полной апатией к участи империи», – указывал В. К. Надлер, тем самым объясняя относительную лёгкость военной победы крестоносцев. Он указывал, что латины заранее договорились друг с другом о дележе добыче и о ленном устройстве новой империи. Крестоносцы, по его мнению, «были слепым орудием в руках ловких венецианских политиков; один только дож с самого начала имел в виду эту цель и сознательно шёл к ней; он руководил всем предприятием».

Саму катастрофу 1204 г. учёный объяснял не только военной мощью крестоносцев. Он указывал на «ненормальное положение дел в Византийском государстве», массовое разорение крестьян, обнищание населения, падение авторитета верховной власти. С Запада в Византию пришли феодальные отношения с неизбежным ослаблением центральной власти и ростом сепаратизма магнатов. «В виду всего этого, – считал В. К. Надлер, – разрушение империи франками является неизбежным... 13 апреля 1204 г. византийскому старому обществу нанесён был во всех отношениях удар смертельный».

Что касается отношения к разгрому Византии Иннокентия III, то он, несмотря на формальное отлучение, наложенное на погромщиков, понимал все выгоды взятия Константинополя для папства «и поэтому не только простил венецианцев и крестоносцев, но даже один на всём западе предпринимал энергические меры для поддержания нового государства».

По мнению В. К. Надлера, этот поход и разгром Византии в конечном итоге «послужил главной причиной к окончательному падению Иерусалимского королевства» (то есть государств крестоносцев в Святой земле). Из 1204 года он выводил последующие события и 1291-го и 1454-го годов.

Спецкурс В. К. Надлера так и не был опубликован. Он остался в литографированном виде, хотя его публикация могла бы по-новому расставить акценты в историографии истории крестовых походов конца XIX в. Несмотря на произвольную нумерацию крестовых походов, предложенную им, большинство других оценок В. К. Надлера выдержало испытание временем, а сам спецкурс содержит в себе концептуальные выводы, отражающие передовые взгляды медиевистики того времени.

* * *

Выводы по результатам событий 1202–1204 годов вполне очевидны:

1. Папство – главный инициатор крестовых походов.
2. Ко времени начала крестовых походов уже произошла церковная схизма. Поэтому папство рассматривало крестовые походы как инструмент расширения своего влияния в восточно-христианском мире, а византийские императоры – как орудие возвращения утраченных на Востоке земель.
3. В ходе первых трёх крестовых походов противоречия между крестоносцами и Византией то усиливались, то слабели при неизменном курсе папства на господство во всём христианском мире.
4. В течение всего этого времени на Западе шла борьба между духовной и светской властями, в то время как в Византии сильное государство являлось гарантом влияния Константинопольской патриархии, а следовательно, греко-православной церкви. Для преодоления схизмы в свою пользу Римское папство должно было работать на развал Византийского государства как стража Православия.
5. Четвёртый крестовый поход был организован папой Иннокентием III – самым могущественным первосвященником за всю историю римского понтификата. Организованный папой, этот поход крестоносцев привёл к уничтожению христианской Византийской империи.
6. Этот поход – не обычная военная акция, а сознательное преступление против единоверцев масс людей, принявших священный обет и получивших благословение католических епископов и священников, которые именем своей Церкви объявили захват Константинополя законным. При этом борьба за престол в Византии местных кланов не может служить оправданием для вооружённого вмешательства крестоносцев.

7. В ходе этого разгрома была подорвана роль Византии как посредника в торговле Запада и Востока. Эта роль перешла к итальянским и южно-французским городам, прежде всего, к Венеции.

8. Римские папы, в том числе Иннокентий III, налагали церковное отлучение так же часто, как и снимали его, поскольку отлучение – временная мера, чего нельзя сказать о ликвидации христианского государства.

9. Разгром Византии полностью соответствовал планам Римского престола, так как греческому населению навязывалась уния с Западом.

10. Даже восстановленная в 1261 г. Византийская империя не смогла возродить былого могущества и продолжать оставаться эффективным бастионом христианства.

11. Прологом окончательного падения Византии в 1453 г. был её разгром крестоносцами в 1204 г. Многовековой форпост, о который разбивались волны восточных завоевателей, уже не смог сдержать османов, захвативших огромные территории Европы.

12. Одним из незаслуженно забытых исследователей Четвёртого крестового похода был профессор императорского Харьковского университета В. К. Надлер (1840–1894).

13. В своём неопубликованном спецкурсе «История крестовой эпохи» он на основе исторических источников ярко раскрыл причины, ход и последствия Четвёртого крестового похода, ставшего закономерным результатом как грабительской военной акции крестоносцев и венецианцев, так и внутреннего политического и социально-экономического кризиса Византии вследствие распространения здесь феодальных отношений.

14. В. К. Надлер целиком признавал, что всё свершившееся в 1204 г. произошло к несомненной пользе не только венецианцев и крестоносцев, но и католической церкви и папы Иннокентия III, несмотря на формальное, наложенное на участников акции и в скором времени снятое отлучение.

Таким образом, Четвёртый крестовый поход и захват крестоносцами Константинополя – это сознательно совершённое военное преступление, не имеющее срока давности. Данное событие – красноречивый ответ всем тем, кто считает, что помощь извне способна помочь в решении внутренних проблем и рассчитывает на бескорыстную, отеческую, искреннюю помощь с Запада.

Если бы руины прошлого умели говорить, раны – шептать, а могилы – исходить криком... Обретя дар речи, эти метки памяти той Православной Византийской империи могли бы сказать нынешним единоверцам, растворившись в звоне звучащих сейчас колоколов:

У Запада есть вера.

Но веры в Запад нет!

ЛИТЕРАТУРА

- Анна Комнина. Алексиада / Пер. с греч. Я. Н. Любарского. – СПб., 1996.
- Бертран де Борн. Сирвента // Зарубежная литература средних веков. – М., 1974.
- Брандедж Дж. Крестовые походы. Священные войны Средневековья. – М., 2011.
- Бузескул В. П. В. К. Надлер (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. – 1894. – № 5.
- Бузескул В. П. Некролог В. К. Надлера // Харьковские губернские ведомости. – 1894. – № 86.
- Бузескул В. П. Из истории Харьковского университета второй половины 70-х гг. // Наукові записки науково-дослідницької кафедри історії української культури. – Х., 1927. – № 6.
- Виллардуэн Ж. де. Завоевание Константинополя / Ж. де Виллардуэн ; [пер., ст. и коммент. М. А. Заборова]. – М.: Наука, 1993.
- Вязигин А. С. Воспоминания о В. К. Надлере (некролог) // Харьковские губернские ведомости. – 1894. – № 86.
- Вальтер фон дер Фогельвейде. Стихотворения. – М., 1985.
- Васильев А. А. История Византии. Византия и крестоносцы: Эпоха Комнинов (1081–1185) и Ангелов (1185–1204). – Пг., 1923.
- Вебер Г. Всеобщая история. – М., 1887. – Т. 6.
- Вебер Г. Всеобщая история. – М., 1887. – Т. 7.
- Виймар П. Крестовые походы. Миф и реальность «священной войны». – СПб., 2003.
- Виолле-ле-Дюк Э. Э. Жизнь и развлечения в средние века. – СПб., 1997.
- Войтович Л., Домановський А., Козак Н., Лильо І, Мельник М., Сорочан С., Файда О. Історія Візантії. Вступ до візантиністики / За ред. С. Б. Сорочана і Л. В. Войтовича. – Львів, 2011.
- Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль // Средневековый роман и повесть. – М., 1974.
- Вязигин А. С. Международное право в средние века [Рец.]. – СПб., 1900.
- Гегель Г. Сочинения. – М., 1935. – Т. 8.
- Гийу А. Византийская цивилизация. – Екатеринбург, 2005.
- Грачёв Ю. Г. Рыцарство в средневековой Европе. – К., 2006.
- Гусев И. Е. История орденов Средневековья. – Минск, 2007.
- Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. – 2-е изд. – М., 1985.
- Диль Ш. История Византийской империи. – М., 1948.
- Добиаш-Рождественская О. А. Крестом и мечом: Приключения Ричарда I Львиное Сердце. – М., 1991.
- Добиаш-Рождественская О. А. Эпоха крестовых походов (Запад в крестоносном движении). Общий очерк. – М., 2011.
- Домановский А. Н. Загадки истории. Византия / А. Н. Домановский; худож.-оформитель Е. А. Гугалова. – Харьков, 2016.
- Домановская М. Е. Понятие «византизм» в научном наследии В. К. Надлера // Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. – М., 2011. – С. 84–87.
- Домановська М. Є. Василь Карлович Надлер як візантиніст // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2011. – № 939: Історія

- України. Українознавство: історичні та філософські науки. – Вип. 14. – С. 39–49.
- Заборов М. А. История крестовых походов в документах и материалах. – М., 1977.
- Заборов М. А. Крестовые походы. – М., 1956.
- Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. – М., 1980.
- Заборов М. А. Папство и крестовые походы. – М., 1960.
- Завещание осла // Зарубежная литература средних веков. – М., 1974.
- Из хроники Анонима Гальберштадтского «Книжица о паломничестве в Грецию и о реликвиях, доставленных из Греции» // Заборов М. А. История крестовых походов в документах и материалах. – М., 1977.
- Из «Хронографии» Матфея Эдесского // Заборов М. А. История крестовых походов в документах и материалах. – М., 1977.
- Из «Истории завоевания Константинополя» Гунтера Пэрисского // Заборов М. А. История крестовых походов в документах и материалах. – М., 1977.
- Извещение об учёном диспуте в императорском Харьковском университете 9 сентября 1867 г. по случаю защищения сочинения на степень доктора магистром В. Надлером. – Х., 1867.
- Извлечение из отчёта о состоянии и деятельности императорского Харьковского университета за 1875 г. // Записки Харьковского университета. – 1876. – Т. 1.
- Извлечение из отчёта о состоянии и деятельности императорского Харьковского университета за 1879 г. // Записки Харьковского университета. – 1880. – Т. 1 (1882).
- Історія європейської ментальності / За ред. П. Динцельбахера ; [пер. з нім. В. Кам'янець]. – Львів, 2004.
- Історія західноєвропейського Середньовіччя: Хрестоматія / Упоряд. М. О. Рудь. – К., 2005.
- Кабачкая песня // Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. – М., 1972.
- Карпов С. П. Латинская Романия. – СПб., 2000.
- Кесслер У. Ричард I Львиное Сердце. Король, крестоносец, авантюрист. – Х., 1997.
- Клари Р. де. Завоевание Константинополя / Пер., ст. и коммент. М. А. Заборова. – М.: Наука, 1986.
- Конон де Бетюн. Песнь о крестовом походе // Зарубежная литература средних веков. – М., 1974.
- Кретьен де Труа. Ивэйн, или Рыцарь со Львом // Средневековый роман и повесть. – М., 1974.
- Куглер Б. История крестовых походов. – Ростов-на-Дону, 1995.
- Лиман С. І. Медієвістика в Україні в кінці XIX – на початку XX ст. (1880–1917 pp.): Дис....канд. іст. наук. – Харків, 1993.
- Лиман С. І. З історії німецької діаспори в Харкові у XIX столітті: професор Харківського університету Василь Карлович Надлер (1840–1894) // Схід-Захід. – 1999. – Вип. 2.
- Лиман С. І. Идеи в латах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг.). – Х., 2009.
- Лиман С. І. Історія середніх віків у навчальних курсах професора Харківського і Новоросійського (Одеського) університету В. К. Надлера (1840–1894) // Actes

- testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича / Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. – Львів, 2011. – Вип. 20.
- Лиман С. И. В цветах порфиры и “греческого огня”: летопись растерзанного величия. – Рец. на учебник: Войтович Л., Домановський А., Козак Н., Лильо І, Мельник М., Сорочан С., Файда О. Історія Візантії. Вступ до візантиністики / За ред. С. Б. Сорочана і Л. В. Войтовича. – Львів: Априорі, 2011. – 880 с.; іл. // Методичний вісник історичного факультету. – Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна. – 2012. – № 10. – С. 136–142.
- Мельвиль М. История ордена тамплиеров. – СПб., 2000.
- Мишо Г. История крестовых походов. – К., 1995.
- Монусова Е. История крестовых походов. – М., 2010.
- Надлер В. К. Русские исторические руководства и их отношение к науке всеобщей истории. – Х., 1864.
- Надлер В. К. История крестовой эпохи. – Х., 1890. – Ч. 1; Ч. 2.
- Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина / Никита Хониат; [пер. с греч., под ред. проф. Н. В. Чельцова]. – СПб.: Тип. департамента уделов, 1862. – Т. 2 (1186–1206).
- О бурёнке, поповской корове // Зарубежная литература средних веков. – М., 1974.
- Одон Дейльский. О странствиях Людовика VII, франкского короля, на Восток / Пер. Т. И. Кузнецовой // Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. – М., 1972.
- Опль Ф. Фридрих Барбаросса / Пер. с нем. Ермаченко И. О., Некрасова М. Ю. – СПб., 2010.
- Осокин Н. А. История альбигойцев и их времени. – М., 2003.
- Парфентьев П., Безруков П. Четвертый Крестовый Поход: миф и реальность (Режим доступа: http://www.studmed.ru/pavel-parfentev-petr-bezrukov-chetvertyy-krestovyy-pohod-mif-i-realnost_ba77922e2cd.html)
- Пако Марсель. Фридрих Барбаросса. – Ростов-на-Дону, 1998.
- Перну Режи. Крестоносцы. – СПб., 2001.
- Петров М. Н. Ульрих фон Лихтенштейн. Рыцарское служение женщине в средние века / М. Н. Петров // ЖМНП. – 1867. – № 11. – С. 360–417.
- Письмо графа Стефана Блуасского и Шартрского к супруге Адели из-под Никеи // Заборов М. А. История крестовых походов в документах и материалах. – М., 1977.
- Побут та менталітет європейців у добу хрестових походів : програма та навч.-метод. матеріали до спецкурсу / Уклад.: Лиман С. І. – Х.: ХДАК, 2004.
- Побут та менталітет європейців у добу хрестових походів : прогр. та навч.-метод. матеріали до спецкурсу / Укладач: Лиман С. І. – Х.: ХДАК, 2011.
- Песни трубадуров / Сост., перевод со старопровансальского, комментарии А. Г. Наймана. – М., 1979.
- Поэзия вагантов. Архипиита Кёльнский // Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. – М., 1972.
- Поэзия вагантов. Вальтер Шатильонский // Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. – М., 1972.
- Поэзия трубадуров, поэзия миннезингеров, поэзия вагантов. – М., 1974.

- Протокол заседаний Совета [Харьковского] университета 11 сентября 1875 г. // Записки Харьковского университета. – 1875. – Т. 3.
- Протокол заседаний Совета [Харьковского] университета 12 октября 1878 г. // Записки Харьковского университета. – 1878. – Т. 4 (1879).
- Приложения к отчёту о состоянии и деятельности императорского Харьковского университета за 1877 г. // Записки Харьковского университета. – 1878. – Т. 1 (1879).
- Пти-Дютайи Ш.* Феодалная монархия во Франции и в Англии X–XIII веков. – СПб., 2001.
- Рено.* Песнь о крестовом походе // Зарубежная литература средних веков. – М., 1974.
- Роман о Лисе / Пер. со старофранцузского А. Г. Наймана. Предисловие А. Д. Михайлова. – М., 1987.
- Сорочан С. Б.* Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры: Учебное пособие. – Харьков, 2011.
- Тальберг Н.* История христианской церкви. – М., 1991.
- Туабе М. А.* История зарождения современного международного права (Средние века). – Х., 1898. – Т. 2. Принципы мира и права в международных столкновениях средних веков.
- Успенский Ф. И.* История крестовых походов. – СПб.: Евразия, 2000.
- Формулярный список о службе заслуженного ординарного профессора императорского Новороссийского университета В. К. Надлера (копия) // Державний архів Одеської області. – Ф. 45. – Оп. 8 (1894). – Спр. 16.
- Фульхерий Шартрский.* Иерусалимская история (Деяния франков, совершивших паломничество в Иерусалим) // *Заборов М. А.* История крестовых походов в документах и материалах. – М., 1977.
- Ястребицкая А. Л.* Западная Европа в XI–XIII вв. Эпоха. Быт. Костюм. – М., 1978.
- Sybel H. von.* Geschichte des ersten Kreuzzuges. – Leipzig, 1881.